

На правах рукописи

Очередыко Владимир Александрович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

Научный руководитель: **Коняхин Владимир Павлович**
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Центр исследования проблем правосудия, главный научный сотрудник – руководитель уголовно-правового направления

Сичкаренко Александр Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Ставропольский филиал ФГКОУ ВО
«Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
кафедра уголовного права и криминологии,
старший преподаватель

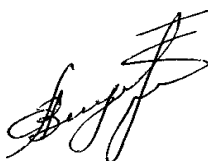
Ведущая организация: **ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»**

Защита диссертации состоится 27 ноября 2020 г. в 12⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 106.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук

Шульга Андрей Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Среди многообразия форм криминального поведения особое место занимают случаи совершения преступления, к которому оказываются причастны несколько лиц. В своем большинстве такие случаи образуют соучастие в преступлении, но в некоторых ситуациях лицо, причастное к преступлению, не участвует в его совместном совершении. Это возможно, в частности, при укрывательстве преступления, несообщении о преступлении, попустительстве преступлению. В доктрине уголовного права перечисленные вариации преступного поведения принято именовать прикосновенностью к преступлению.

Законодательные подходы к регламентации прикосновенности не отличаются стабильностью, о чем наглядно свидетельствует опыт реформирования отечественного уголовного законодательства. В результате смены уголовно-политических ориентиров, под влиянием различных объективных и субъективных факторов, а иногда – вследствие конъюнктурных соображений расширяется номенклатура уголовно-наказуемых форм прикосновенности к преступлению, корректируются пределы уголовной ответственности за криминальную прикосновенность. Под уголовно-правовой запрет вновь поставлено несообщение о преступлении (ст. 205⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации; далее – УК РФ), криминализовано публичное оправдание определенных преступлений, в самостоятельную форму прикосновенности к преступлению выделились незаконные операции с имуществом преступного происхождения.

При этом происходящие трансформации уголовного законодательства получают крайне неоднозначную оценку. Правоохранительные ведомства поддерживают курс на дальнейшую криминализацию прикосновенности и выступают с инициативами по расширению перечня прикосновенных действий, требующих применения уголовной ответственности¹, тогда как правозащитные организации и адвокатское сообщество усматривают в этом необоснованное повышение репрессивности уголовного закона. Поэтому уголовно-политический вектор в направлении расширения уголовно-наказуемых форм прикосновенности к преступлению, безусловно, требует теоретического осмысления.

Не меньшую остроту имеют дискуссии относительно реализации уголовно-правовых норм об ответственности за проявления прикосновенности к преступлению, причем самую активную полемику вызывают проблемы применения норм-

¹ В частности, Следственный комитет Российской Федерации предлагает дополнить УК РФ статьей 124.2 «Скрытие ненадлежащего оказания медицинской помощи (медицинской услуги)» (см.: СК предложил добавить в Уголовный кодекс новые статьи для врачей. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/07/2018/5b4888319a794763cea91fd5>).

новелл об ответственности за несообщение о преступлении, за публичное оправдание преступлений. Анализ научных публикаций по этой проблематике, изучение правоприменительной практики показывают, что при решении частных квалификационных проблем, связанных с различными формами прикосновенности, ученые и практики неизбежно «выходят» на вопросы более общего порядка – о критериях отграничения прикосновенности к преступлению от соучастия в преступлении, о зависимости квалификации прикосновенного деяния от уголовно-правовой оценки предикатного преступления, о пределах наказуемости прикосновенности. Полагаем, что ответы на эти вопросы можно получить только на основании «сквозного», комплексного исследования прикосновенности к преступлению с учетом всех ее уголовно-наказуемых проявлений.

Таким образом, актуальность настоящего исследования на современном этапе обусловлена необходимостью систематизации, уточнения и развития теоретических уголовно-правовых представлений о прикосновенности к преступлению, а также потребностями современной правоприменительной практики, которая нуждается в научно обоснованных рекомендациях по квалификации конкретных форм и проявлений прикосновенности.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучением уголовно-правовых проблем противодействия прикосновенности к преступлению занимались такие ученые, как Г.И. Баймурзин, И.А. Бушуев, Р.Р. Галиакбаров, А.А. Васильев, Е.О. Волотова, А.В. Зарубин, А.П. Козлов, Н.С. Косякова, А.Д. Макаров, Н.А. Носкова, П.Н. Панченко, Е.В. Пономаренко, Б.Т. Разгильдиев, К.Н. Сержкина, А.Н. Трайнин, А.В. Шеслер и др. Признавая значительный вклад указанных авторов в разработку уголовно-правовой характеристики прикосновенности к преступлению и частных правил ее квалификации, нельзя не отметить, что многие вопросы, связанные с пониманием признаков прикосновенности к преступлению, а также уголовно-правовой оценкой ее проявлений, не получили научно обоснованного решения. К тому же, имеющиеся труды были подготовлены до криминализации (а точнее – рекриминализации) несообщения о преступлении и установления ответственности за публичное оправдание преступления, в связи с чем указанные формы прикосновенности оказались за рамками уголовно-правового анализа. Для восполнения имеющихся теоретических пробелов, разработки предложений по совершенствованию отечественного уголовного законодательства и рекомендаций по квалификации прикосновенности к преступлению необходимо проведение специального диссертационного исследования.

Цель исследования состоит в разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой прикосновенности к преступ-

лению, а также в разработке предложений по нормативной регламентации прикосновенности к преступлению и правил ее квалификации.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие исследовательские задачи:

- 1) определить юридическую природу и признаки прикосновенности к преступлению в отечественном уголовном праве;
- 2) выявить соотношение прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении;
- 3) изучить международно-правовые основы установления уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению и зарубежный опыт криминализации прикосновенности;
- 4) разработать уголовно-правовая характеристика традиционных и новых форм прикосновенности к преступлению, сформулировать правила их квалификации;
- 5) уточнить основание и определить пределы уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению;
- 6) определить перспективные направления совершенствования института прикосновенности к преступлению.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с уголовно-правовой оценкой прикосновенности к преступлению.

Предмет исследования составляют: прикосновенность к преступлению и ее уголовно-правовые признаки; формы прикосновенности к преступлению; зарубежный опыт нормативной регламентации ответственности за прикосновенность к преступлению; проблемы квалификации прикосновенности к преступлению.

Методологической основой диссертации выступают категории и принципы диалектики: всесторонность, объективность, связь теории и практики. В ходе исследования использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частно-научные (системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос) методы познания.

Нормативная основа исследования представлена Конституцией России, решениями Конституционного Суда Российской Федерации, международными правовыми актами (Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» 2000 г., Декларация ООН о преступности и общественной безопасности 1996 г., Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 1990 г. и др.), УК РФ, иными федеральными законами и подзаконными актами.

Исследование компаративных аспектов ответственности за прикосновенность к преступлению осуществлялось на основе уголовного законодательства зарубежных государств (в частности, УК Франции, УК ФРГ, УК Швеции, УК Республики Болгария, УК Республики Польша, Закон об уголовном праве Израиля, УК стран СНГ и др.).

Теоретическую основу исследования образуют достижения отечественной науки уголовного права, составляющие учение о преступлении и составе преступления (Я.М. Брагинин, А.В. Бриллиантов, Л.Д. Гаухман, А.В. Грошев, М.П. Карпушин, В.П. Коняхин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.И. Курляндский, А.В. Наумов, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и др.); учение о соучастии в преступлении (Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, К.В. Ображиев, Ю.Е. Пудовочкин, П.Р. Тельнов, С.С. Аветисян и др.), о прикосновенности к преступлению (Г.И. Баймурзин, И.А. Бушуев, Р.Р. Галиакбаров, А.А. Васильев, Е.О. Волотова, А.В. Зарубин, Н.С. Косякова, А.Д. Макаров, Н.А. Носкова, П.Н. Панченко, Е.В. Пономаренко, Б.Т. Разгильдиев, К.Н. Сережкина, А.Ю. Сичкаренко, А.В. Шеслер).

Эмпирическую базу исследования составили результаты проведенного в 2018-2019 гг. обобщения материалов более 300 уголовных дел о прикосновенности к преступлению; опубликованная практика Верховного Суда Российской Федерации, относящаяся к теме исследования; данные опроса 211 экспертов (100 прокуроров, 34 судей, 19 помощников судей, 24 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 34 следователя органов внутренних дел Российской Федерации), проведенного в 2018-2019 гг. При подготовке диссертации использовались результаты исследований, проведенных другими авторами, а также личный опыт прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Научная новизна диссертации заключается в разработке целостного уголовно-правового учения о прикосновенности к преступлению, которое включает: положения, отражающие природу и юридически значимые признаки прикосновенности к преступлению; уточненную уголовно-правовую характеристику форм прикосновенности к преступлению; научно обоснованные рекомендации по уголовно-правовой оценке проявлений прикосновенности к преступлению; обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Определена социально-юридическая сущность прикосновенности к преступлению. Прикосновенность к преступлению – это самостоятельное обще-

ственно опасное деяние, производное от основного (предикатного) преступления, вторичное по отношению к нему, что проявляется в его генетической связи с предикатным преступлением, в функциональном подчинении и квалификационной зависимости от него. По отношению к предикатному преступлению прикосновенность выполняет вспомогательные, «обслуживающие» функции, которые, однако, не сводятся лишь к созданию препятствий для уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее основное преступление, но могут выражаться в ином способствовании субъекту предикатного преступления (в частности, в приобретении или сбыте имущества, добытого преступным путем, в публичном оправдании преступления).

2. Осуществлена систематизация проявлений (форм) прикосновенности к преступлению, разработана их классификация. К формам уголовно-наказуемой прикосновенности к преступлению предложено относить: укрывательство преступления; несообщение о преступлении; незаконные действия с имуществом, приобретенным преступным путем (его легализацию, приобретение и сбыт); публичное оправдание преступления; попустительство преступлению.

С учетом статуса субъекта прикосновенности целесообразно различать общую (общеуголовную) и должностную (служебную) прикосновенность, которые имеют существенные отличия в плане уголовно-правовой оценки, даже если проявляются в одной и той же форме. Предложенная классификация позволяет: скорректировать существующие представления о прикосновенности к преступлению; уточнить нормативную основу уголовно-правового противодействия криминальной прикосновенности, дополнив ее ст. 201, 203, 285, 286 УК РФ.

3. Выявлены сходство и различия подходов к криминализации прикосновенности к преступлению в уголовном законодательстве зарубежных стран. Международное право признает преступным лишь одно проявление прикосновенности к преступлению – легализацию криминальных доходов, оставляя уголовно-правовое противодействие иным проявлениям прикосновенности на усмотрение национальных законодателей. Однако, несмотря на отсутствие четких международно-правовых стандартов криминализации прикосновенности к преступлению, уголовное законодательство большинства стран мира предусматривает ответственность примерно за одни и те же проявления прикосновенности. Это подтверждает объективную потребность в уголовно-правовом противодействии прикосновенности к преступлению, свидетельствует о том, что в этом плане уголовное право России развивается в русле общемировых тенденций.

Национальные особенности криминализации прикосновенности к преступлению проявляются: в различиях подходов к определению родового (видового) объекта прикосновенных преступлений; в конструировании специфичных уго-

ловно-правовых запретов (например, на отбывание наказания вместо другого лица); в определении круга предикатных преступлений и критериев их выделения; в технико-юридическом изложении норм о прикосновенности.

4. Сформулированы частные правила квалификации укрывательства преступления и предложения по совершенствованию ст. 316 УК РФ:

- если содеянное одновременно содержит признаки укрывательства преступления и несообщения о преступлении, деяние квалифицируется только по ст. 316 УК РФ как норме-целому;

- укрывательство преступления посредством совершения другого преступного деяния (например, путем угроз в отношении очевидца преступления, его убийства, поджога дома, в котором остались следы предикатного преступления), образует идеальную совокупность преступлений (ст. 316 УК РФ и п. «к» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 167 УК РФ);

- специфика квалификации должностного (служебного) укрывательства состоит в следующем: укрывательство особо тяжкого преступления необходимо квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 316 и 201, 203, 285 или 286 УК РФ; если укрыто менее тяжкое преступление, лицо с должностным (служебным) статусом подлежит ответственности по ст. 201, 203, 285 или 286 УК РФ; укрывательство может выражаться в юридическом сокрытии преступления, т.е. в укрытии преступления от учета;

- предмет общеуголовного укрывательства требует расширения. К нему предлагается отнести общественно опасное деяние любой категории тяжести, а также лицо, совершившее это деяние.

5. Уточнено содержание обязательных признаков состава несообщения о преступлении, разработаны рекомендации по квалификации этого деяния:

- если лицо сообщает в правоохранительные органы о факте преступления, но утаивает информацию о лице его совершившем, содеянное образует состав несообщения о преступлении. Если сведения о лице, совершившем преступление, стали известны широкому кругу лиц, несообщение о преступлении утрачивает общественную опасность;

- заранее обещанное несообщение о преступлении следует расценивать как пособничество в форме устранения препятствий для совершения соответствующего преступления;

- невыполнение сотрудником правоохранительных органов обязанности сообщать о преступлении, обусловленное корыстной или иной личной заинтересованностью, следует квалифицировать по ст. 285 УК РФ, причем вне зависимости от вида предикатного преступления, а если таковое относится к террористическим – необходимо дополнительно вменять ст. 205⁶ УК РФ;

- обоснована необходимость: установления в УК РФ ответственности за несообщение, а также за несвоевременное сообщение о любом особо тяжком преступлении; исключения адвокатов и священнослужителей из числа субъектов несообщения о преступлении.

6. Разработаны научно обоснованные рекомендации по квалификации прикосновенных действий с имуществом преступного происхождения и регламентации ответственности за их совершение:

- статьи 174 и 175 УК РФ нельзя считать специальными нормами по отношению к ст. 316 УК РФ, а потому соответствующие прикосновенные действия с имуществом, добытым преступным путем, сопряженные с укрывательством особо тяжкого преступления, необходимо квалифицировать по совокупности ст. 174 или 175 и 316 УК РФ;

- в контексте ст. 175 УК РФ имущество, добытое заведомо преступным путем, следует толковать ограничительно, исключая из него предметы, за незаконный оборот которых установлена уголовная ответственность (например, драгоценные камни и металлы, наркотики, оружие и др.). К ст. 174 УК РФ такая ограничительная трактовка не применима. Сделки с указанными предметами, совершенные с целью их легализации, требуют совокупной квалификации по ст. 174 и соответствующим статьям (ст. 191, 222, 228, 228¹ и др.) УК РФ;

- заранее обещанная легализация имущества, приобретенного преступным путем, соответствует всем признакам соучастия в преступлении, но не может быть признана таковым, поскольку в исчерпывающем перечне способов пособничества это деяние не указано. Чтобы решить эту проблему, необходимо регламентировать в ч. 5 ст. 33 УК РФ соответствующий способ пособнических действий и одновременно дополнить корреспондирующим предписанием диспозицию ч. 1 ст. 174 УК РФ («заранее не обещанная легализация ...»).

7. Уточнены признаки и пределы криминализации публичного оправдания преступления, сформулированы рекомендации по квалификации этого проявления прикосновенности:

- публичное оправдание идеологии терроризма, ответственность за которое установлена в ст. 205² УК РФ, нельзя считать криминальной прикосновенностью в связи с отсутствием предикатного преступления (идеология не может признаваться преступной), что может служить дополнительным аргументом в пользу декриминализации этого деяния;

- перечень предикатных преступлений, оправдание которых расценивается как уголовно-наказуемая прикосновенность на основании ст. 205² и 354¹ УК РФ, сформирован законодателем с учетом следующих критериев: соответствующие преступления посягают на наиболее ценные общественные интересы – основы

общественной безопасности, мир и безопасность человечества; эти преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких; они признаются преступлениями по международному уголовному праву. С учетом указанных критериев, а также опыта зарубежных стран, предложено криминализовать в УК РФ публичное оправдание геноцида.

8. Конкретизированы признаки и правила квалификации попустительства к преступлению, обозначены перспективные направления регламентации этой формы прикосновенности:

- уголовно-правовая оценка попустительства преступлению, сопряженного с несообщением о нем, требует дифференцированного подхода: если в качестве предикатного преступления выступает преступление террористического характера, то содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 285 и 205⁶ УК РФ; если основное преступление не относится к числу террористических, то применяется только ст. 285 УК РФ.

- действующий УК РФ не позволяет квалифицировать: попустительство преступлению, субъективно обусловленное мотивами и целями, не указанными в ст. 201 и 285 УК РФ (например, страхом); попустительское бездействие частных охранников, хотя на указанных лиц возложены обязанности по пресечению преступлений на охраняемых объектах. Для устранения указанных пробелов предлагается сконструировать в УК РФ специальную норму об ответственности за попустительство преступлению со стороны любых лиц, обязанных принимать меры по пресечению преступлений и задержанию преступников (представителей власти, частных охранников, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях).

9. Установлена зависимость пределов уголовной ответственности за общеуголовную прикосновенность к преступлению от предикатного деяния:

- квалификация общеуголовной прикосновенности производна от уголовно-правовой оценки основного преступления, что выражается в следующих правилах: вывод правоприменительных органов об отсутствии состава предикатного преступления исключает наличие состава прикосновенности к преступлению; декриминализация предикатного преступления влечет декриминализацию прикосновенности к соответствующему деянию; изменение категории тяжести укрываемого преступления оказывает непосредственное влияние на квалификацию общеуголовного укрывательства;

- ответственность за общеуголовную прикосновенность не должна быть строже, чем за предикатное преступление, а потому: возраст уголовной ответственности за прикосновенность не может быть ниже, чем за предикатное преступление; наказание, назначенное судом за прикосновенность к преступлению,

не может превышать максимальный предел санкции за предикатное преступление; предусмотренные ст. 78 и 83 УК РФ сроки давности за прикосновенность не могут превышать аналогичные сроки за основное преступление.

10. Доказана объективная потребность в нормативной регламентации прикосновенности к преступлению в Общей части УК РФ. Общие предписания о прикосновенности к преступлению должны способствовать решению следующих задач: четко отграничить прикосновенность к преступлению от соучастия в преступлении; активизировать усилия правоохранительных органов по уголовно-правовому противодействию прикосновенности к преступлению; определить пределы уголовной ответственности и наказуемости общеуголовной прикосновенности к преступлению с учетом того, что наказание за прикосновенность не может превышать максимальный предел санкции на основное (предикатное) преступление; показать квалификационную зависимость общеуголовной прикосновенности к преступлению от уголовно-правовой оценки предикатного преступления; подчеркнуть специфику оснований и пределов уголовной ответственности за должностную (служебную) прикосновенность к преступлению.

Для реализации этих задач предложено: дополнить УК РФ новой статьей «Прикосновенность к преступлению»; включить в примерный перечень пособнических действий заранее данное обещание не препятствовать совершению преступления при наличии обязанности пресекать преступление, не сообщать о преступлении, легализовать имущество, добытое преступным путем; исключить ст. 205^б УК РФ из перечня, регламентированного ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способствуют развитию уголовно-правовых знаний о прикосновенности к преступлению, ее признаках и формах. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Практическая значимость исследования определяется уточнением существующих и разработкой новых правил квалификации прикосновенности к преступлению. В диссертации сформулирована эмпирически подтвержденная научная информация, которая может быть востребована в практике совершенствования законодательной основы уголовно-правового противодействия прикосновенности к преступлению. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе подготовки бакалавров, специалистов, магистров, аспирантов по направлению «Юриспруденция», в системе обучения и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей.

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается **апробацией его результатов** посредством:

– их публикации в 6 научных статьях (из них 5 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России);

– обсуждения основных положений и выводов диссертации на 3 научно-практических форумах: международном симпозиуме «Современные проблемы теории и практики расследования преступлений» (Кубанский государственный аграрный университет, 23 апреля 2020 г.); международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодарский университет МВД России, 20 сентября 2019 г.); заседании круглого стола «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 30 мая 2019 г.);

– их внедрения в практическую деятельность прокуратуры Краснодарского края, в учебный процесс юридического факультета КубГУ.

Структура диссертации определена ее целью и задачами и состоит из введения, трех глав, объединяющих десять параграфов, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; определяются его цель, задачи, объект и предмет; характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы диссертации; формулируются основные положения, выносимые на защиту, определяется их научная новизна, теоретическая и практическая ценность.

Первая глава «**Теоретические и правовые основы исследования прикосновенности к преступлению**» состоит из трёх параграфов.

В параграфе 1.1. «**Юридическая природа и признаки прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве**» сделан вывод, что прикосновенность к преступлению – это самостоятельное деяние, производное от основного (предикатного) преступления, вторичное по отношению к нему. Производный характер прикосновенности проявляется в ее генетической связи с предикатным преступлением, в функциональной и квалификационной зависимости от него.

В интересах лица, совершившего преступление, могут быть совершены различные производные деяния: социально полезные; социально нейтральные; общественно опасные. Прикосновенностью к преступлению можно именовать только последнюю группу деяний, обладающих общественной опасностью. К первым двум разновидностям социального поведения, связанного с совершением преступления, этот термин неприменим, поскольку в нем заложена негативная смысловая нагрузка, подразумевающая причастность к преступлению.

С точки зрения диссертанта, прикосновенность к преступлению можно рассматривать в широком (криминологическом) и в узком (уголовно-правовом) смыслах. В широком криминологическом понимании к прикосновенности можно отнести любое общественно опасное деяние, производное от предикатного преступления и совершенное в интересах субъекта этого преступления, в том числе и такое, которое не поставлено под уголовно-правовой запрет. В уголовно-правовом смысле к прикосновенности можно отнести лишь те производные от предикатного преступления деяния, которые образует состав самостоятельного преступления. Границы между этими видами прикосновенности подвижны.

Анализ форм прикосновенности к преступлению, криминализованных в действующем УК РФ, приводит автора к выводу, что общественная опасность прикосновенности заключается в ее криминогенном потенциале, в создании условий для совершения повторных преступлений лицом, совершившим предикатное преступление, а также иными лицами. Поэтому уголовно-правовое противодействие прикосновенности к преступлению необходимо рассматривать в качестве эффективного средства предупреждения преступности в целом, а уголовно-правовые нормы об ответственности за прикосновенность относить к числу норм с двойной превенцией.

По отношению к предикатному преступлению прикосновенность выполняет вспомогательные, «обслуживающие» функции, не связанные с совместным совершением преступления, которые не сводятся лишь к созданию препятствий для уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее основное преступление. Узкая трактовка прикосновенности как деяния, препятствующего уголовному преследованию субъекта предикатного преступления, давно утратила свою актуальность. Поэтому необходимо скорректировать подходы к пониманию прикосновенности к преступлению и признать, что ее функции заключаются в способствовании субъекту предикатного преступления, но при отсутствии соучастия.

Прикосновенное содействие лицу, совершившему основное преступление, может выражаться не только в создании препятствий для применения к нему уголовно-правового воздействия, но и в совершении иных деяний в его интересах. В частности, интересам субъекта основного преступления соответствует вторичная преступная деятельность другого (прикосновенного) лица, выразившаяся в заранее не обещанных приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, в публичном оправдании преступления. По отношению к предикатному преступлению эти деяния выполняют вспомогательные, обеспечительные функции, точно также как и укрывательство преступления, несообщение о преступлении и легализация преступных доходов.

По мнению соискателя, несмотря на генетическую, функциональную и квалификационную зависимость от предикатного преступления, прикосновенность представляет собой юридически самостоятельное деяние, образует самостоятельный состав преступления, в чем заключается принципиальное отличие прикосновенности от соучастия в преступлении и иных форм совместного причинения уголовно-значимого вреда.

Прикосновенность лишена главного признака соучастия – умышленной совместности. В одних проявлениях прикосновенности (например, при публичном оправдании террористической деятельности) не прослеживаются даже объективные признаки совместности; в других случаях прикосновенное деяние объективно способствует совершению преступления, но не может признаваться совместным вследствие отсутствия единства умысла. Субъективной основой прикосновенности к преступлению является самостоятельный умысел, отличный от умысла лица, совершившего предикатное преступление.

В параграфе 1.2. **«Проявления (формы) прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве»** подчеркивается, что при систематизации форм (проявлений) прикосновенности к преступлению необходимо учитывать различия между криминологическим (широким) и уголовно-правовым (узким) пониманием прикосновенности. Между криминологическими и уголовно-правовыми формами прикосновенности всегда наблюдается определенное несовпадение, которое проявляется как в номенклатуре форм прикосновенности, так и в их объемах.

Если рассматривать прикосновенность в узком уголовно-правовом смысле, то ее формами можно признать лишь те прикосновенные деяния, которые «здесь и сейчас» поставлены под уголовно-правовой запрет. Вследствие непоследовательности законодательных решений о криминализации и декриминализации прикосновенности перечень ее уголовно-наказуемых проявлений на разных исторических этапах различается, причем довольно существенно. Поэтому рассуждения о проявлениях уголовно-наказуемой, криминализованной прикосновенности всегда относительно, всегда «привязаны» к той или иной редакции уголовного закона.

Соискателем установлено, что в криминологическом (широком) смысле номенклатура форм прикосновенности к преступлению отличается большей стабильностью. Так, например, вне зависимости от подходов законодателя к криминализации недоносительства (несообщения) о преступлении, это деяние всегда было и останется проявлением прикосновенности в широком ее понимании (как негативного социального явления).

В диссертации отмечается, что определять перечень форм прикосновенности к преступлению исчерпывающим образом можно только в уголовно-правовом смысле и лишь применительно к законодательству конкретного временного пери-

ода. Что же касается широкого криминологического понимания прикосновенности, то ее проявления, по всей видимости, не образуют закрытой системы. Невозможно не учитывать, что под влиянием стремительного научно-технического прогресса, усложнения и ускорения социальных процессов, неизбежно трансформируется и криминальное взаимодействие людей. А потому нельзя исключить появления новых форм прикосновенности к преступлению. В частности, в качестве криминологической, т.е. не поставленной под уголовно-правовой запрет формы прикосновенности к преступлению, можно рассматривать отбывание наказания вместо другого человека, осужденного за совершение преступления, непредотвращение преступления.

С учетом положений действующего уголовного законодательства к проявлениям уголовно-наказуемой прикосновенности к преступлению представляется возможным отнести: укрывательство преступления; несообщение о преступлении; попустительство преступлению; приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем; легализацию преступных доходов; публичное оправдание преступления. Все они обладают общими признаками прикосновенности – имеют производный характер, выполняют вспомогательные функции по отношению к предикатному преступлению (совершаются в интересах его субъекта), но не предполагают при этом соучастия в его совершении.

В зависимости от внешнего выражения представляется возможным различать: а) физическую прикосновенность к преступлению; б) интеллектуальную прикосновенность к преступлению; в) смешанную прикосновенность к преступлению, которая сочетает как физические, так и интеллектуальные усилия.

На основании хронологического критерия автором диссертации выделены две разновидности прикосновенности к преступлению: а) прикосновенное деяние, совершаемое после фактического окончания предикатного преступления (посткриминальная прикосновенность); б) прикосновенность, осуществляемая до фактического завершения предикатного преступления, т.е. «параллельно» с ним.

С точки зрения диссертанта, наибольшее теоретическое и прикладное значение имеет классификация прикосновенности к преступлению в зависимости от статуса прикосновенного лица и его полномочий, использованных при совершении прикосновенного деяния. На основании этого критерия представляется необходимым различать: а) общую (общеуголовную) прикосновенность, совершаемую без использования служебных полномочий «частным» лицом, не наделенным обязанностями по противодействию преступлениям; б) должностную (служебную) прикосновенность, отличительным признаком которой является ее совершение лицом, обязанным выявлять, пресекать преступления, сообщать об их совер-

шении, осуществлять прием, регистрацию и проверку сообщений о преступлениях, с использованием служебных полномочий.

Общуголовная и должностная (служебная) прикосновенность к преступлению имеют кардинальные отличия, которые проявляются: в формах выражения; в объеме криминализации; в правилах их уголовно-правовой оценки. Предложенная классификация прикосновенности на общуголовную и должностную (служебную) позволяет серьезно скорректировать существующие представления о прикосновенности к преступлению, вынуждает уточнить нормативную основу уголовно-правового противодействия прикосновенности, дополнив ее ст. 201, 203, 285, 286 УК РФ.

В параграфе 1.3. **«Международно-правовые основы и зарубежный опыт криминализации прикосновенности к преступлению»** отмечается, что международное право признает преступным лишь одно проявление прикосновенности к преступлению – легализацию криминальных доходов, оставляя уголовно-правовое противодействие иным проявлениям прикосновенности на усмотрение национальных законодателей.

Несмотря на отсутствие четких международно-правовых стандартов криминализации прикосновенности к преступлению, уголовное законодательство большинства стран мира, вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье, предусматривает ответственность примерно за одни и те же проявления прикосновенности (помимо легализации преступных доходов) – укрывательство преступления, несообщение о преступлении, оправдание преступления. Это подтверждает объективную потребность в уголовно-правовом противодействии прикосновенности к преступлению, свидетельствует о том, что в этом плане уголовное право России развивается в русле общемировых тенденций.

Национальные особенности криминализации прикосновенности к преступлению проявляются: в различиях подходов к определению родового (видового) объекта прикосновенных преступлений; в конструировании специфичных уголовно-правовых запретов (например, на отбывание наказания вместо другого лица); в определении круга предикатных преступлений и критериев их выделения; в технико-юридическом изложении норм о прикосновенности (в отдельных странах помимо соответствующих уголовно-правовых запретов сформулированы общие нормы о прикосновенности к преступлению, что позволяет говорить о существовании полноценного института прикосновенности к преступлению).

Вторая глава **«Формы прикосновенности к преступлению: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательной регламентации»** включает в себя пять параграфов.

В параграфе 2.1. «Укрывательство преступлений» отмечается, что в правоприменительной практике устоялась расширительная трактовка ст. 316 УК РФ, согласно которой предметом укрывательства является не только особо тяжкое преступление (оконченное или неоконченное, совершенное единолично или в соучастии), но и лицо, совершившее это преступление.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, выражается в прямом умысле, интеллектуальный момент которого включает достоверное, а не предположительное знание о факте совершения другим лицом особо тяжкого преступления. При заблуждении укрывателя относительно категории тяжести укрытого преступления уголовно-правовая оценка содеянного осуществляется по правилам квалификации при юридической ошибке: если укрыватель фактически укрыл особо тяжкое преступление, ошибочно считая его менее тяжким, ст. 316 УК РФ вменяется без учета этой ошибки; если лицо, укrywшее менее тяжкое преступление, полагал, что укрывает особо тяжкое посягательство, применение ст. 316 УК РФ исключено.

Если лицо, виновное в совершении основного преступления, по каким-либо основаниям освобождается от уголовной ответственности, это обстоятельство не влияет на квалификацию укрывательства преступления.

Укрывая «чужое» преступление, лицо может тем самым скрывать свое преступное деяние, тесно связанное с «чужим» укрытым преступлением. В этой ситуации формально есть все признаки укрывательства преступления, совершенного другим лицом. Тем не менее, в подобных случаях состав преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, отсутствует, поскольку цель сокрытия собственных преступных действий исключает ответственность за укрывательство «чужого» особо тяжкого преступления.

Укрывательство преступления может быть совершено как по договоренности (не заранее достигнутой) с лицом, виновным в совершении основного преступления, так и при отсутствии таковой. При этом не имеет значения субъективное восприятие субъектом основного преступления поведения прикосновенного лица.

В работе отмечается, что если содеянное лицом одновременно подпадает под признаки норм об ответственности за укрывательство особо тяжкого преступления и за несообщение о преступлении террористического характера (ст. 205^б УК РФ), деяние квалифицируется только по ст. 316 УК РФ как нормоцелому.

Укрывательство преступления посредством совершения другого преступного деяния (например, путем угроз в отношении очевидца преступления, его убийства, поджога дома, в котором остались следы предикатного преступления), обра-

зует идеальную совокупность преступлений (ст. 316 УК РФ и п. «к» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 167 УК РФ).

По мнению диссертанта, устоявшиеся в уголовно-правовой науке представления о невозможности идеальной совокупности укрывательства преступления и пособничества в преступлении нельзя рассматривать в качестве универсального правила. Идеальная совокупность укрывательства и пособничества возможна, если лицо, укрывая одно преступление, создает тем самым условия для совершения другого преступления.

При квалификации должностного (служебного) укрывательства особо тяжкого преступления необходимо учитывать, что ст. 316 УК РФ не предусматривает квалифицирующий признак «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения». Поэтому указанное деяние необходимо квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 316 и 201, 203, 285 или 286 УК РФ.

В диссертации подчеркивается, что в отличие от общеуголовного укрывательства преступления, которое признается уголовно-наказуемым лишь в том случае, когда предикатное преступление относится к особо тяжким, ответственность за должностное (служебное) укрывательство не зависит от категории тяжести укрытого преступления. В частности, сотрудник правоохранительного органа, который с использованием служебных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности осуществил укрывательство преступления небольшой, средней тяжести или тяжкого преступления, подлежит уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ.

По мнению автора диссертации, особенность должностного укрывательства состоит в том, что оно может выражаться не только в физическом сокрытии следов преступления или самого преступника (что характерно для общеуголовного укрывательства), но и в юридическом сокрытии преступления, т.е. в укрытии преступления от учета. Укрытие преступления от учета по своим последствиям, по большому счету, мало чем отличается от его физического укрывательства, поскольку и в том, и в другом случае лицо, совершившее преступление, избегает уголовно-правового воздействия, что приводит к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. С учетом наступления указанных последствий, а также личной заинтересованности сотрудников правоохранительных органов, укрывавших преступления от учета, в правоприменительной практике подобные деяния квалифицируются по ст. 285 УК РФ.

Проведенное исследование позволило заключить, что ст. 316 УК РФ, предусматривающая ответственность за общеуголовное укрывательство преступления,

имеет существенный потенциал для совершенствования. В частности, требует расширения предмет укрывательства, к которому предложено отнести общественно опасное деяние любой категории тяжести, предусмотренное статьей Особенной части УК РФ, а также лицо, совершившее это деяние. Дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от категории тяжести укрываемого общественно опасного деяния было бы логично осуществить посредством обособления в ст. 316 УК РФ двух составов преступлений: укрывательство деяния небольшой или средней тяжести, предусмотренного статьей Особенной части настоящего Кодекса, а равно лица, совершившего указанное деяние; укрывательство тяжкого или особо тяжкого деяния, предусмотренного статьей Особенной части настоящего Кодекса, а равно лица, совершившего указанное деяние.

В параграфе 2.2. «Несообщение о преступлении» отмечается, что несообщение о преступлении, ответственность за которое предусмотрена ст. 205^б УК РФ, посягает одновременно на два непосредственных объекта – общественную безопасность и отношения правосудия. С учетом места ст. 205^б УК РФ в структуре уголовного закона, первый объект следует признать основным, второй – дополнительным.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 205^б УК РФ необходимо установить следующее: лицо обладает информацией об определенном преступлении террористического характера из перечня, предусмотренного ст. 205^б УК РФ; соответствующее преступление должно находиться в стадии приготовления, уже совершаться или быть совершенным; информация о совершении другим лицом преступления должна быть достоверной; имеет место факт несообщения о преступлении в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении. Достоверность знания о совершении другим лицом преступления констатируется как в случае личного наблюдения, так и в ситуации устной передачи информации о совершении преступления, в том числе и через третьих лиц. Если сведения о совершении другим лицом преступления носили предположительный характер, состав преступления, предусмотренного ст. 205^б УК РФ, отсутствует.

Поскольку ст. 205^б УК РФ не конкретизирует хронологические рамки обязанности сообщать о преступлении, следует признать, что сообщение о преступлении, сделанное в любое время до начала уголовного преследования лица за несообщение о преступлении, исключает уголовную ответственность.

Если лицо сообщает в правоохранительные органы о факте преступления, но утаивает информацию о лице его совершившем, содеянное образует состав несообщения о преступлении. При этом текст диспозиции ст. 205^б УК РФ сконстру-

ирован так, что ответственность за несообщение о преступлении будет исключена только при сообщении обо всех известных лицах, причастных к преступлению.

Диссертант приходит к выводу, что уголовная ответственность за несообщение о преступлении возможна лишь при условии утаивания соответствующей информации. Если же эти сведения преданы широкой огласке, то сообщение о них в правоохранительные органы уже не имеет смысла, а значит, не будет являться общественно опасным и соответствующий факт несообщения о преступлении.

Несообщение о преступлении, соединенное с дачей заведомо ложных показаний либо с отказом от дачи показаний, подлежит квалификации по совокупности ст. 205^б и ст. 307 или 308 УК РФ.

Заранее обещанное несообщение о преступлении, входящем в предусмотренный ст. 205^б УК РФ перечень, необходимо квалифицировать как пособничество путем устранения препятствий для совершения соответствующего преступления. Это обстоятельство необходимо зафиксировать непосредственно в тексте уголовного закона, что позволит обеспечить определенность уголовно-правовой оценки несообщения о преступлении. Для этого достаточно указать в диспозиции нормы об ответственности за несообщение о преступлении на заранее не обещанный характер преступного деяния.

Соискатель обращает внимание, что законодательство о правоохранительной службе возлагает на сотрудников правоохранительных органов обязанность сообщать о преступлении, причем не только о террористическом. Невыполнение этой обязанности лишает правоохранительные органы возможности пресечь преступление, привлечь лицо к уголовной ответственности, что следует расценивать как существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Ввиду того, что несообщение о преступлении – это бездействие, содеянное при условии наличия корыстной или иной личной заинтересованности сотрудника правоохранительного органа следует квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ).

При этом по ст. 285 УК РФ необходимо квалифицировать бездействие сотрудника правоохранительного органа, выразившееся в несообщении о любом преступлении, а не только о преступлении террористического характера. Таким образом, предмет уголовно-наказуемого должностного несообщения о преступлении намного шире в сравнении с предметом общеуголовного несообщения. Если же сотрудник правоохранительного органа не сообщил о преступлении, предусмотренном ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 или 361 УК РФ, то содеянное следует дополнительно (по совокупности) квалифицировать по ст. 205^б УК РФ.

Чтобы обеспечить системный подход к уголовно-правовому противодействию прикосновенности к преступлению, представляется целесообразным унифицировать критерии определения круга предикатных преступлений в ст. 205^б и 316 УК РФ, причем таким критерием должна стать категория тяжести предикатного преступления, а не объект посягательства. Исходя из этого, необходимо установить ответственность за несообщение о любом особо тяжком преступлении, что позволит: осуществить частичную декриминализацию несообщения о преступлениях средней тяжести и тяжких преступлениях, перечисленных в ст. 205^б УК РФ; одновременно криминализовать несообщение об особо тяжких преступлениях, не входящих в предусмотренный ст. 205^б УК РФ перечень. Причем в случае практической реализации этого предложения уголовно-правовая норма об ответственности за несообщение о преступлении должна быть перемещена в главу о преступлениях против правосудия.

Установленная уголовным законом обязанность сообщать об известных лицу фактах преступлений является надлежащим образом исполненной только при условии своевременного сообщения о преступлении. Исходя из этого, в качестве альтернативного уголовно-наказуемого деяния в ст. 205^б УК РФ предлагается определить несвоевременное сообщение о преступлении. При этом необходимо уточнить адресата соответствующего сообщения, указав в качестве такового правоохранительные органы и иные органы власти.

Из числа субъектов рассматриваемого деяния следует исключить не только супруга и близких родственников, но и адвокатов, а также священнослужителей, поскольку они вправе не сообщать о преступлениях, о которых им стало известно в связи с их деятельностью (при оказании юридической помощи по уголовным делам, в процессе исповеди).

В параграфе 2.3. **«Легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем, и приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем»** доказывається, что легализацию преступных доходов, приобретение и сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем, нельзя рассматривать в качестве особого вида укрывательства преступления, как это предлагают отдельные представители уголовно-правовой науки. Эти деяния являются самостоятельными проявлениями (формами) прикосновенности к преступлению, которые имеют целеполагание, отличное от укрывательства преступления. Согласиться с тем, что ст. 174 и 175 УК РФ являются специальными по отношению к ст. 316 УК РФ, нельзя и по формально-юридическим соображениям. А потому незаконные манипуляции с имуществом, добытым преступным путем, сопряженные с укрывательством особо тяжкого преступления, необходимо квалифицировать по совокупности ст. 174 или 175 и 316 УК РФ.

При применении ст. 174 и 175 УК РФ необходимо учитывать, что преступное происхождение имущества связывается с наличием соответствующих процессуальных актов и, в то же время, субъективное восприятие виновным такой информации не предполагает обязательную осведомленность о наличии указанных процессуальных актов. Уголовная ответственность за операции с имуществом, добытым преступным путем, наступает при наличии у лица достоверного знания о таком происхождении имущества. Достоверность знания в данном случае констатируется даже в случае признания лица, сбывающего преступно добытое имущество, о таком его происхождении. Наличие каких-либо процессуальных актов, подтверждающих совершение преступления, в результате которого добывается имущество, а тем более осведомленности об этом прикосновенного лица, для квалификации не требуется, хотя практика применения ст. 174 и ст. 175 УК РФ идет по пути включения в соответствующие правоприменительные документы ссылок на процессуальные акты, подтверждающие преступное происхождение имущества.

В контексте ст. 175 УК РФ имущество, добытое заведомо преступным путем, следует толковать ограничительно, исключая из него предметы, за незаконный оборот которых установлена уголовная ответственность (например, драгоценные камни и металлы, наркотики, оружие и др.). Приобретение или сбыт таких предметов следует квалифицировать по специальным нормам, в частности, по ст. 191, 222, 228, 228¹ УК РФ. Однако к легализации имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, такая ограничительная трактовка не применима, поскольку что ни одна из уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот запрещенных предметов, не предусматривает цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими. Поэтому сделки с предметами, за незаконный оборот которых установлена уголовная ответственность, совершенные с целью легализации указанных предметов, требуют совокупной квалификации по ст. 174 и соответствующим статьям УК РФ.

Заранее обещанная легализация имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, соответствует всем признакам соучастия в преступлении. Но, несмотря на это, с формально-юридических позиций это деяние все же нельзя признать соучастием, поскольку в исчерпывающем перечне способов пособничества заранее обещанная легализация не указана. А потому, с учетом требования принципа законности (ст. 3 УК РФ), который не допускает применения уголовного закона по аналогии, заранее обещанную легализацию преступных доходов приходится квалифицировать по ст. 174 УК РФ. Чтобы решить эту проблему, необходимо регламентировать в ч. 5 ст. 33 УК РФ соответствующий способ пособничества и одновременно дополнить корреспондирующим предписанием диспозицию ч. 1 ст. 174 УК РФ («заранее не обещанная легализация ...»).

Если легализация преступных доходов, приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершены с использованием служебного положения должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, содеянное содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 285 или 201 УК РФ (при наличии мотивов или целей, указанных в этих статьях). Тем не менее, ст. 285 или 201 УК РФ в этом случае не применяется, так как в п. «б» ч. 3 ст. 174 и ч. 3 ст. 175 УК РФ предусмотрено использование служебного положения в качестве квалифицирующего признака. При наличии этого квалифицирующего признака ст. 201 и 285 УК РФ дополнительно вменяться не могут, на что неоднократно обращала внимание высшая судебная инстанция.

В параграфе 2.4. «**Оправдание преступления**» отмечается, что нормативная формулировка оправдания терроризма (п. 1 примечаний к ст. 205² УК РФ) не ограничивает содержание этого деяния лишь одобрением практики и идеологии терроризма, но включает также заявления о необходимости их поддержки и подражания им, которые в большей степени характерны для пропаганды, нежели для оправдания. Столь широкое определение оправдания терроризма усложняет практику применения ст. 205² УК РФ, затрудняет разграничение предусмотренных ею альтернативных деяний. Ввиду отсутствия у термина «оправдание» какой-либо узкоспециализированной юридической окраски, он должен использоваться в его исходном лексическом значении, подразумевающим признание правоты, признание событий и действий допустимыми.

В соответствии с п. 1 примечаний к ст. 205² УК РФ предметом уголовно-наказуемого публичного оправдания является: а) практика терроризма; б) идеология терроризма. О прикосновенности к преступлению в точном смысле этого понятия можно вести речь только в первом случае, т.е. применительно к оправданию практики терроризма, которая выражается в совершении конкретных террористических преступлений. Что же касается публичного оправдания идеологии терроризма, то это деяние нельзя считать прикосновенностью к преступлению вследствие отсутствия предикатного преступления. Отмеченное обстоятельство может служить дополнительным аргументом в пользу декриминализации публичного оправдания идеологии терроризма.

В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что публичное оправдание терроризма, сопряженное с несообщением о террористическом преступлении или укрывательством особо тяжкого преступления, подлежит квалификации по совокупности ст. 205² и ст. 205⁶ или 316 УК РФ.

В диссертации обосновано, что самостоятельной разновидностью криминального оправдания преступления выступает альтернативное деяние, предусмотренное

ренное ст. 354¹ УК РФ, в виде одобрения преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Понимание одобрения преступления в контексте ст. 354¹ УК РФ в полной мере эквивалентно толкованию оправдания в составе преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ. Различия связаны только с содержанием оправдательных заявлений (виды одобряемых преступлений).

Сопоставление ст. 205² и 354¹ УК РФ приводит к выводу, что перечень предикатных преступлений, оправдание которых расценивается как уголовно-наказуемая прикосновенность, сформирован законодателем с учетом следующих критериев: соответствующие преступления посягают на наиболее ценные общественные интересы – основы общественной безопасности, мир и безопасность человечества; эти преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких; деяния, выступающие предикатными по отношению к их последующему публичному оправданию, признаются преступлениями по международному уголовному праву. Этим трем критериям соответствуют не только террористические преступления, а также преступления, установленные приговором Нюрнбергского трибунала, но и другие преступные деяния. С учетом этих критериев, а также опыта зарубежных стран, предложено криминализовать в УК РФ публичное оправдание геноцида, которое обладает высокой общественной опасностью, свойственной преступлениям.

В параграфе 2.5. «**Попустительство преступлению**» отмечается, что ст. 290 УК РФ, в которой используется понятие «попустительство по службе», не дает надлежащего представления о содержании попустительства преступлению. Более того, она лишь искажает суть попустительства, поскольку вынуждает как-то отграничивать его от действия или бездействия, что в принципе невозможно. Исходя из этого, необходимо исключить из ст. 290 УК РФ упоминание о получении взятки за покровительство и попустительство по службе, что не приведет к декриминализации этого деяния (оно будет расцениваться как получение взятки за бездействие в пользу взяткодателя или представляемых им лиц).

Рассматривая признаки попустительства преступлению, автор указывает, что оно совершается бездействием, которое выражается в непринятии необходимых мер по пресечению преступления и (или) задержанию преступника.

Предикатным по отношению к попустительству деянием является совершаемое (уже начавшееся, но еще не завершенное) или совершенное преступление. В первом случае, когда преступление еще не завершено, спектр необходимых мер реагирования намного шире, а значит, и попустительство фактически не оконченному преступлению имеет более широкое содержание, которое включает непринятие мер по пресечению преступления и задержанию преступника. Во втором случае,

т.е. при оконченном преступлении, реагирование может выразиться лишь в задержании преступника, а потому попустительство здесь понимается намного уже.

Субъектом попустительства может быть лишь то лицо, которое обязано действовать, т.е. принять необходимые меры по пресечению преступления и (или) задержанию преступника. К числу таких лиц относятся сотрудники правоохранительных органов, руководители и сотрудники служб безопасности коммерческих организаций, а также частные охранники, хотя последние за попустительство преступлению ответственности не несут. При этом субъект попустительства не только должен быть обязан пресекать преступления и (или) задерживать преступников, но и обладать реальной возможностью выполнить данную обязанность.

Попустительствуя преступлению, лицо, обязанное принимать меры по пресечению преступления и (или) задержанию преступника, должно осознавать факт совершения другим лицом преступления и бездействовать намеренно, вопреки наличию соответствующей специальной обязанности действовать. Если же лицо не реагирует на преступление вследствие своей невнимательности, небрежности, то о попустительстве речь идти не может. При наличии оснований содеянное можно расценить как халатность.

Попустительство преступлению имеет заранее не обещанный характер. Если же бездействие лица, обязанного принимать меры по пресечению преступления и (или) задержанию преступника, было обещано заранее, то такое бездействие следует расценивать как пособничество в преступлении в форме устранения препятствий для его совершения.

Соискателем аргументировано, что попустительство особо тяжкому преступлению и его последующее укрывательство необходимо квалифицировать по совокупности ст. 285 и 316 УК РФ.

Действующее уголовное законодательство дает основание для дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке попустительства преступлению, сопряженного с несообщением о нем: если в качестве предикатного преступления выступает преступление террористического характера, входящее в предусмотренный ст. 205^б УК РФ перечень, то попустительство этому преступлению со стороны сотрудника правоохранительного органа следует квалифицировать по ст. 285 УК РФ, а несообщение о его совершении – дополнительно по ст. 205^б УК РФ; если основное преступление не относится к числу террористических, то бездействие сотрудника правоохранительного органа, выразившееся в попустительстве преступлению и несообщении о нем, следует расценивать только по ст. 285 УК РФ.

Нормативную основу уголовно-правового противодействия попустительству преступлению составляют ст. 285 и 201 УК РФ, но при указанные нормы позволяют квалифицировать только такое попустительство, которое совершено из

корыстной или иной личной заинтересованности (эти мотивы указаны в ст. 285 УК РФ) или в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам (эти цели предусмотрены ст. 201 УК РФ). Попустительство преступлению, субъективно обусловленное иными мотивами и целями (например, страхом), квалифицировать по ст. 201 или 285 УК РФ нельзя.

В работе отмечается, что УК РФ не позволяет привлечь к уголовной ответственности частных охранников, которые попустительствовали преступлению, хотя на указанных лиц возложены обязанности по пресечению преступлений на охраняемых объектах. Квалифицировать попустительское бездействие частного охранника по ст. 203 УК РФ невозможно, так как эта норма устанавливает ответственность исключительно за активные действия – превышение полномочий.

Для устранения указанных пробелов предлагается сконструировать в УК РФ специальную норму об ответственности за попустительство преступлению со стороны любых лиц, обязанных принимать меры по пресечению преступлений и задержанию преступников (представителей власти, частных охранников, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях). Это позволит не только исключить безнаказанность попустительства преступлениям, но и обеспечить унифицированную уголовно-правовую оценку попустительства, допущенного различными субъектами. С учетом того, что попустительство преступлению препятствует уголовно-правовому воздействию на субъекта предикатного преступления, предлагаемую статью было бы логично включить в главу 31 «Преступления против правосудия» под номером 316¹.

Третья глава **«Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению и перспективы ее регламентации»** включает в себя два параграфа.

В параграфе 3.1. **«Основание и пределы уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению»** рассмотрены проблемы юридической зависимости прикосновенности к преступлению от предикатного деяния, а также особенности уголовной ответственности за должностную прикосновенность.

Уголовная ответственность прикосновенного лица, с точки зрения основания ее возникновения, имеет самостоятельный характер, что находит отражение в квалификации прикосновенного деяния. Если соучастники преступления, как правило, несут ответственность по одной статье Особенной части УК РФ, то деяние прикосновенного лица квалифицируется по другой статье Особенной части УК РФ, устанавливающей ответственность за соответствующее проявление прикосновенности. Вместе с тем, несмотря на самостоятельность основания уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению, ее пределы тесно связаны с предикатным преступлением, самым непосредственным образом зависят от него, что объясняется производным характером прикосновенности.

В первую очередь, эта зависимость отчетливо проявляется при квалификации общеуголовной прикосновенности к преступлению, которая производна от уголовно-правовой оценки основного (предикатного) преступления. Отмеченная квалификационная зависимость выражается в следующем:

- квалифицировать прикосновенность к преступлению невозможно без предварительной уголовно-правовой оценки предикатного преступления;
- декриминализация предикатного преступления автоматически влечет декриминализацию прикосновенности к нему;
- законодательное изменение категории тяжести укрываемого преступления оказывает непосредственное влияние на квалификацию общеуголовного укрывательства (если укрытое особо тяжкое преступление вследствие законодательных изменений стало тяжким, то подобное смягчение наказуемости предикатного преступления равносильно декриминализации укрывательства).

Таким образом, квалификация общеуголовной прикосновенности к преступлению чуть ли не полностью построена на началах акцессорности, т.е. является производной от уголовно-правовой оценки предикатного преступления. Самостоятельным является лишь основание уголовной ответственности прикосновенного лица, а в остальном квалификация прикосновенности зависит от уголовно-правовой оценки предикатного преступления.

На квалификацию прикосновенности к преступлению не влияет: посткриминальное поведение субъекта предикатного преступления и уголовно-правовая оценка этого поведения; тот факт, что лицо, виновное в предикатном преступлении, не привлечено к уголовной ответственности; судебное изменение категории тяжести преступления в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 15 УК РФ. Таким образом, для уголовно-правовой оценки прикосновенности важна лишь квалификация предикатного преступления на момент его совершения. Дальнейшая «юридическая судьба» лица, совершившего основное преступление, при квалификации прикосновенного деяния не учитывается.

Производный характер прикосновенности к преступлению накладывает отпечаток не только на ее квалификацию, но и на пределы наказуемости общеуголовной прикосновенности. Поскольку общеуголовная прикосновенность обладает меньшей общественной опасностью в сравнении с предикатным преступлением, а равно соучастием в его совершении, ответственность за прикосновенность должна быть менее строгой, чем за основное преступление.

При пенализации прикосновенности к преступлению законодатель старается соблюдать это общее правило. Вместе с тем в некоторых случаях действующее уголовное законодательство позволяет назначить за прикосновенность к преступлению более строгое наказание, чем за предикатное преступление или соучастие в

его совершении. Чтобы исключить такую возможность, предлагается сформулировать в УК РФ общий запрет на назначение за прикосновенность к преступлению более строгого наказания, чем предусмотрено за основное (предикатное) преступление. При наличии предложенного законодательного ограничения суд, назначая наказание за общеуголовную прикосновенность к преступлению, будет ориентироваться не только на санкцию, предусмотренную за прикосновенность, но и учитывать санкцию за предикатное преступление, чтобы не выйти за ее пределы.

Несоответствие пределов уголовной ответственности за предикатное преступление и прикосновенность к нему наблюдается не только при пенализации, но и при определении оснований ответственности. Согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за несообщение о преступлении наступает по достижению четырнадцатилетнего возраста, тогда как многие преступления, несообщение о которых наказуемо по ст. 205^б УК РФ, предполагают наличие шестнадцатилетнего субъекта (в частности, преступления, предусмотренные ст. 205¹, 205², 220, 221, 278, 279 УК РФ). Подобная регламентация возраста уголовной ответственности за несообщение о преступлении идет вразрез с принципом справедливости (в широком его понимании). Возраст уголовной ответственности за несообщение о преступлении не должен быть ниже возраста уголовной ответственности за совершение преступлений, перечисленных в ст. 205^б УК РФ. Поэтому следует поддержать предложения о повышении возраста уголовной ответственности за несообщение о преступлении до шестнадцати лет.

С учетом недопустимости более строгой ответственности за прикосновенность к преступлению в сравнении с предикатным преступлением, предусмотренные ст. 78 и 83 УК РФ сроки давности за прикосновенность к преступлению не должны превышать аналогичные сроки за совершение основного преступления.

В диссертации подчеркивается, что уголовная ответственность за должностную (служебную) прикосновенность имеет свою выраженную специфику, которая связана с ее особой социально-юридической природой. Выполняя прикосновенное деяние, должностное лицо, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, частный охранник не только препятствует применению мер уголовно-правового характера к лицу, совершившему основное посягательство, но и совершает преступление, предусмотренное ст. 201, 203, 285 или 286 УК РФ. Однако при квалификации должностной (служебной) прикосновенности, проявившейся в форме легализации преступных доходов, приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, указанные нормы не применяются, поскольку в п. «б» ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 175 УК РФ уже предусмотрено использование служебного положения, что препятствует дополнительной квалификации содеянного по ст. 201, 203, 285 или 286 УК РФ. В этих

случаях пределы уголовной ответственности за должностную (служебную) прикосновенность совпадают с аналогичными пределами для общеуголовной неприкосновенности. Например, если предикатное преступление будет декриминализовано, должностная прикосновенность, предусмотренная п. «б» ч. 3 ст. 174 или ч. 3 ст. 175 УК РФ, тоже утратит свою преступность.

Соискатель приходит к выводу, что с учетом специфики должностной (служебной) прикосновенности основания и пределы уголовной ответственности за нее должны отличаться от общеуголовной прикосновенности. Жесткая привязка пределов уголовной ответственности за должностную (служебную) прикосновенность к ответственности субъекта предикатного преступления нецелесообразна, поскольку прикосновенное лицо с должностным (служебным) статусом всегда посягает на дополнительный объект уголовно-правовой охраны – интересы службы, права и законные интересы граждан или организаций, охраняемые законом интересы общества или государства. Уголовная ответственность за должностную (служебную) прикосновенность должна иметь самостоятельный, «автономный» характер, а потому в качестве основания ответственности должны выступать общие нормы о служебных преступлениях, предусмотренные ст. 201, 203, 285 или 286 УК РФ, которые при наличии признаков совокупности могут дополняться ст. 174, 175, 205², 205⁶ или 316 УК РФ.

В параграфе 3.2. **«Основные направления совершенствования института прикосновенности к преступлению»** отмечается, что отказ от регламентации прикосновенности к преступлению в Общей части УК РФ 1996 г., осуществленный на фоне декриминализации недонесения о преступлении, оказался преждевременным. Расширение круга уголовно-наказуемых проявлений прикосновенности к преступлению в УК РФ вновь ставит на повестку дня вопрос о регламентации прикосновенности в Общей части уголовного закона, причем имеются все предпосылки, чтобы решить этот вопрос положительно. При решении частных квалификационных проблем, связанных с различными формами прикосновенности, ученые и практики неизбежно «выходят» на вопросы более общего порядка – о критериях отграничения прикосновенности к преступлению от соучастия в преступлении, о зависимости квалификации прикосновенного деяния от уголовно-правовой оценки предикатного преступления, о пределах наказуемости прикосновенности. С учетом важности этих вопросов, которые имеют «сквозное» уголовно-правовое значение, можно констатировать наличие объективной потребности в их законодательном решении.

По мнению соискателя, объем, содержание и технико-юридическое оформление общих предписаний о прикосновенности к преступлению должны определяться задачами нормативной регламентации прикосновенности. Иными словами,

в первую очередь нужно решить, для чего нужны соответствующие нормативные предписания, какие функции они должны выполнять, а затем на этой основе определить их содержание.

Общие предписания о прикосновенности к преступлению должны способствовать решению следующих задач:

- четко отграничить прикосновенность к преступлению от соучастия в преступлении, исключив возможность квалификации прикосновенных преступлений в качестве соучастия;

- активизировать усилия правоохранительных органов по уголовно-правовому противодействию прикосновенности к преступлению, ориентировать правоприменителей, что уголовно-наказуемым является не только соучастие в преступлении, но и прикосновенность к преступному деянию, причем не только общеуголовная, но и должностная;

- определить (хотя бы в общем виде) пределы уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению; регламентировать пределы наказуемости общеуголовной прикосновенности к преступлению с учетом того, что наказание за прикосновенность не может превышать максимальный предел санкции на основное (предикатное) преступление;

- показать квалификационную зависимость общеуголовной прикосновенности к преступлению от уголовно-правовой оценки предикатного преступления; подчеркнуть специфику оснований и пределов уголовной ответственности за должностную прикосновенность к преступлению.

Для решения вышеперечисленных задач конструировать новую главу о прикосновенности к преступлению, как это предлагают отдельные специалисты, нецелесообразно. Общие предписания о прикосновенности к преступлению можно сформулировать в одной статье УК РФ, назвав ее соответствующим образом – «Прикосновенность к преступлению». При этом нет необходимости включать в проектируемую статью определения отдельных форм прикосновенности к преступлению. Учитывая, что уголовно-правовые нормы об ответственности за конкретные проявления на прикосновенности к преступлению изложены в Особенной части УК РФ, дублирование соответствующего нормативного материала в Общей части уголовного закона лишено смысла.

Поскольку нормативные предписания о прикосновенности к преступлению призваны решать задачу отграничения прикосновенности от соучастия в преступлении, было бы логичным включить проектируемую статью в главу 7 УК РФ, ориентируясь на зарубежный опыт. При этом наряду со статьей о прикосновенности к преступлению в главу 7 УК РФ целесообразно включить предписания об иных формах криминального взаимодействия, не образующих соучастия в пре-

ступлении (о неосторожном сопричинении вреда, о совершении преступления совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, об опосредованном причинении вреда), сформулировав их в виде негативного признака соучастия по типу «не признается соучастием в преступлении ...». В таком случае глава 7 УК РФ будет объединять в себе нормы обо всех формах взаимодействия нескольких лиц при совершении преступления, что потребует соответствующего расширения названия этой главы.

С учетом вышеизложенного, предлагается включить в главу 7 УК РФ норму следующего содержания:

«Статья ... Прикосновенность к преступлению

1. Не признается соучастием в преступлении прикосновенность к преступлению, совершенному другим лицом (предикатному преступлению), то есть заранее не обещанные укрывательство преступления и (или) преступника, попустительство преступлению, несообщение о преступлении, легализация (отмывание) имущества, приобретенного другим лицом преступным путем, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, а равно публичное оправдание преступления.

2. Прикосновенность к преступлению влечет уголовную ответственность в случаях, предусмотренных статьями 174, 175, 205², 205^б, 316, 316¹ настоящего Кодекса.

3. Наказание, назначенное судом за прикосновенность к преступлению, не может превышать максимальный предел санкции за предикатное преступление.

4. Обратная сила уголовного закона, устраняющего преступность предикатного деяния или смягчающего наказание за его совершение, распространяется на лицо, прикосновенное к нему.

5. Прикосновенное к преступлению лицо, которое в соответствии с требованиями закона, должностными или служебными обязанностями должно выявлять, пресекать преступления, сообщать об их совершении, осуществлять прием, регистрацию и проверку сообщений о преступлениях, несет уголовную ответственность по статьям 174, 205², 175, 205^б, 316, 316¹ настоящего Кодекса с учетом положений частей третьей и четвертой настоящей статьи, а также при наличии оснований по статьям 201, 203, 285 или 286 настоящего Кодекса.»

Предложенная регламентация прикосновенности к преступлению предполагает внесение корреспондирующих изменений в статьи о соучастии в преступлении. Предлагается скорректировать законодательное определение пособничества, включив в перечень пособнических действий (с нашей точки зрения, он должен быть примерным) заранее данное обещание: не препятствовать совершению преступления при наличии обязанности пресекать преступление; не сообщать о пре-

ступлении; легализовать имущество, добытое преступным путем. Это позволит четко разграничить пособничество и прикосновенность к преступлению.

Диссертантом предложен для обсуждения и последующей реализации в нормотворческой практике следующий доктринальный проект определения пособника (изменения выделены курсивом):

«5. Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее *не препятствовать совершению преступления при наличии обязанности пресекать преступления либо заранее обещавшее не сообщать о преступлении*, скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, лицо, заранее обещавшее *легализовать*, приобрести или сбыть такие предметы, *а равно лицо, иным способом содействовавшее совершению преступления.*».

Пределы уголовной ответственности за общеуголовную прикосновенность «заданы» пределами ответственности за предикатное преступление, что объясняется производной, вторичной природой прикосновенности. Общее правило здесь заключается в следующем – ответственность за прикосновенность не должна быть строже, чем за предикатное преступление. Следовательно, возраст уголовной ответственности за несообщение о преступлении не должен быть ниже возраста уголовной ответственности за совершение преступлений, перечисленных в ст. 205⁶ УК РФ. Исходя из этого, требуется исключить ст. 205⁶ УК РФ из перечня, регламентированного ч. 2 ст. 20 УК РФ.

С учетом специфики должностной прикосновенности, которая посягает на интересы государственной или коммерческой службы, ее необходимо дополнительно квалифицировать по ст. 201, 285 или 286 УК РФ. Чтобы распространить это правило квалификации на все проявления должностной прикосновенности, необходимо исключить квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием служебного положения» из п. «б» ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 175 УК РФ. Практическая реализация этого предложения позволит «разблокировать» применение ст. 201, 285 или 286 УК РФ и вменять эти статьи по совокупности со ст. 174 и 175 УК РФ, обеспечить единообразный подход к регламентации и реализации уголовной ответственности за должностную прикосновенность, а также повысить уровень уголовно-правовой репрессии в отношении прикосновенных лиц с должностным (служебным) статусом.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и предложения.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне ВАК при Минобрнауки России:

1. *Очередько В.А.* Особенности квалификации несообщения о преступлении // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2 (110). – С. 43-47. (0,4 п.л.).

2. *Очередько В.А.* Уголовная ответственность за оправдание преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 96-99. (0,4 п.л.).

3. *Очередько В.А.* Юридическая природа и признаки прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 78-82. (0,4 п.л.).

4. *Очередько В.А.* Основные направления совершенствования института прикосновенности к преступлению // Общество и право. – 2020. – № 2 (72). – С. 37-40. (0,4 п.л.).

5. *Очередько В.А.* Квалификационная зависимость прикосновенности к преступлению от предикатного деяния // Российский следователь. – 2020. – № 3. – С. 36-38. (0,3 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

6. *Очередько В.А.* Проявления (формы) прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве // Современные проблемы теории и практики расследования преступлений: сб. ст. по материалам Междунар. симп. / отв. за вып. Г.М. Меретуков. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – С. 80-87. (0,4 п.л.).